

Джон Кампфнер
Свобода на продаж

John Kampfner

Freedom for sale

How we made money
and lost our liberty

Джон Кампфнер

Свобода на продажу

Как мы разбогатели —
и лишились независимости

Перевод с английского
Станислава Львовского

издательство **астрель**

УДК 327
ББК 66.4(©)

This edition is published by arrangement with *David Higham Associates Ltd.* and *Synopsis Literary Agency*

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Кампфнер, Дж.

К18 Свобода на продажу: как мы разбогатели — и лишились независимости / ДЖОН КАМПФНЕР; пер. с англ. СТАНИСЛАВА ЛЬВОВСКОГО. — М.: Астрель: CORPUS, 2012. — 414, [2] с.

ISBN 978-5-271-44693-1 (ООО “Издательство Астрель”)

“Демократия перед теми, кто к ней относится серьезно, ставит почти неразрешимые проблемы, а тем, кто ее ненавидит, открывает почти неограниченные возможности”, — отмечал Вацлав Гавел. Почему столь многие из нас готовы поступиться “громкими правами” в обмен на процветание и безопасность, часто иллюзорные? И возможен ли свободный рынок без демократии, а демократия — без свободы? Над этими и другими трудными вопросами предлагает задуматься известный английский журналист Джон Кампфнер, изучивший политический опыт Сингапура, Китая, России, Объединенных Арабских Эмиратов, Индии, Италии, Великобритании и США.

УДК 327
ББК 66.4(©)

ISBN 978-5-271-44693-1 (ООО “Издательство Астрель”)

- © John Kampfner, 2009
 - © С. Львовский, перевод на русский язык, 2012
 - © А. Бондаренко, оформление, 2012
 - © ООО “Издательство Астрель”, 2012
- Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>Введение</i>	9
Глава 1. Сингапур: удобная модель	27
Глава 2. Китай: осторожный игрок	63
Глава 3. Россия: рассерженный капиталист	117
Глава 4. Объединенные Арабские Эмираты: легкие деньги	166
Глава 5. Индия: густонаселенный вариант	199
Глава 6. Италия: театр одного актера	236
Глава 7. Великобритания: под колпаком	272
Глава 8. США: утраченные иллюзии	319
<i>Заключение. Народные приоритеты</i>	362
<i>Библиография</i>	374
<i>Слова признательности</i>	382
<i>Предметно-именной указатель</i>	386

Посвящается Констанс, Алексу и Люси

Введение

Почему так многие в мире готовы поступиться свободой в обмен на безопасность или преуспевание? Этим вопросом люди задаются на протяжении многих поколений — от Джона Стюарта Милля до Иеремии Бентама, от Зигмунда Фрейда до Франклина Рузвельта. Нам неизменно объявляют, что выбор здесь очевиден либо ложен. “Те, кто поступается свободой в обмен на толику преходящей безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности”, — писал Бенджамин Франклин в 1755 году.

Если бы все было так просто! Первая часть моей журналистской карьеры пришлось на 80-е годы, которые я провел в бывшем СССР и других странах, называемых диктатурами. Свобода самовыражения, свобода передвижения и свобода ассоциаций жестко ограничивались. Ограничения эти сказывались на всех аспектах человеческой жизни, различаясь, однако, от страны к стране, от режима к режиму. Недостаток свободы в частной жизни был так же очевиден, как и политически мотивированные ограничения, наложенные на прессу и политическую жизнь. Граждане не имели ни возможности,

ни права решать, где им жить, что им покупать, а в некоторых случаях не имели возможности даже выбирать, в какие отношения им вступать. Отличия от Запада, от демократий, вне зависимости от того, насколько последние были совершенны, просматривались очень четко.

Я был очевидцем падения Берлинской стены и распада СССР. Я помню вечер 25 декабря 1991 года, когда над Кремлем был спущен советский флаг и поднят триколор новой России. Я провел тот вечер в компании скульптора Льва Кербеля, лауреата и орденоносца. Кербель родился в 1917 году, в день, когда произошла большевистская революция. Он сделал карьеру, создавая гигантские монументы Ленина и Маркса, установленные повсюду — от Праги до Пхеньяна. Впервые я встретил его осенью 1985 года, в момент торжественного открытия его последнего великого творения, созданного для москвичей — памятника Ленину из мрамора и гранита на Октябрьской площади. Его мастерская была уставлена Лениными и Марксами. Здесь же лежал Сталин, стояли итальянские коммунисты, башкирские поэты, композиторы, солдаты, колхозницы в косынках, символизирующие целеустремленную юность. Стена кухни Кербеля превратилась в книгу посетителей. Вернувшись туда много лет спустя, я увидел, что рядом с моим автографом Борис Ельцин оставил свой.

За чаем и коньяком мы смотрели в небольшой мерцающий экран: по телевизору шел репортаж об этой знаменательной декабрьской ночи, а Кербель вспоминал о системе ограничений, внутри которой существовали он и миллионы советских людей. Он боялся будущего, но в последующие месяцы сравнительно легко вписался в новый мир рынка. Он освоил науку заключения коммерческих контрактов и начал создавать скульптуры для нового поколения олигархов, ваяя

их самих либо их жен и любовниц. Его дочери начали работать на американском телевидении, а отдыхать он теперь ездил на Канарские острова.

Идеологическое противостояние, длившееся с эпохи Просвещения, окончилось. Битва между либерализмом и авторитаризмом, расколовшая Европу в XX столетии, была выиграна. Окончание холодной войны и крах коммунизма, согласно предсказанию Фрэнсиса Фукуямы, должны были привести к “концу истории” и к “универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления”. Доводы Фукуямы сложнее, чем об этом принято говорить, однако более чем на десятилетие дискуссии о демократии и демократизации оказались сведены к этой простой схеме. В течение этого периода считалось, что политическая и личная свобода, как и гражданские права, тесно связаны с демократией, а демократия, в свою очередь, со свободным рынком. Их соединение является условием не только взаимного процветания, но и просто функционирования.

“Победа” Запада в холодной войне, казалось, подтвердила превосходство его идеологической и бизнес-модели. Маргарет Тэтчер однажды пообещала: не важно, начнете вы с политической или экономической свободы, все равно рано или поздно вы получите и то, и другое. Тэтчер принадлежала к богатой традиции англосаксонской мысли, рассматривавшей свободные рынки и либеральную демократию как взаимодополняющие явления. Капитализм “совместим только с демократией”, писал американский христианский социолог-теоретик Майкл Новак в 1982 году в книге “Дух демократического капитализма”: “Хотя кажется, что побочные формы капитализма способны какое-то время обходиться без демократии, естественная логика капитализма приводит к демократии”. При коммунистической форме правления

ни Советский Союз, ни Китай, ни их союзники не представляли для Запада экономическую угрозу, — лишь идеологическую, пусть и серьезную. Предполагалось, что посткоммунистические Россия и Китай с радостью упадут в объятия Запада — и в политическом, и в экономическом смысле.

Число стран, воспринявших многопартийные выборы и другие аспекты демократии, уже начало увеличиваться. Ко времени так называемой “третьей волны” демократизации, начавшейся в 1974 году в Португалии, едва ли четверть государств мира отвечала минимальному требованию: обеспечить народу возможность на основе всеобщего избирательного права выбирать и менять руководителей в результате регулярных, свободных и честных выборов. В течение следующих двух десятилетий диктатуры уступили место свободно избранным правительствам в Южной Европе, Латинской Америке, а затем в Восточной Азии. Наконец, в начале 90-х годов, освободилась Восточная Европа. Демократия распространилась от Москвы до Претории. Этот сдвиг совпал со временем беспрецедентного военного, экономического и культурного превосходства США. Вполне возможно, этот тренд достиг своего пика в июне 2000 года в Варшаве, на первой конференции стран, звучно поименованных “Сообществом демократий”. По инициативе клинтоновской администрации такие разные государства, как Чили, Чехия, Индия, Мали, Португалия и Южная Корея, обязались “уважать и поддерживать базовые демократические принципы и практики”: свободные и честные выборы, свободу слова и выражения, равный доступ к образованию, верховенство права и свободу мирных собраний.

Представительная демократия быстро распространялась. К 2000 году 120 из 192 государств-членов ООН могли считаться демократическими. Впервые в истории демократиче-

ские страны составили большинство. Однако, как указывает писатель Пол Гинзбург, в тот самый момент, когда либеральная демократия оказалась доминирующим на планете политическим режимом, она вступила в фазу глубокого кризиса. По мнению Гинзбурга,

это не количественный кризис, совсем наоборот. Это скорее качественный кризис. Хотя формально выборная демократия с огромной скоростью распространялась по всему миру, в традиционных центрах демократии нарастало разочарование. Оно выражалось в различных формах — в снижении явки избирателей и политического участия (больше людей предпочитали входить в состав групп гражданского действия, например, в “Гринпис”, а не в традиционные партии), в потере доверия к демократическим институтам и к политическому классу в целом.

К 1994 году в словари вошло немецкое слово *Politikverdrossenheit*, означающее разочарование в политике. То же чувство нашло выражение и в других, более эффектных формах, — в частности, речь идет об антиглобалистских протестах в Сиэтле и Генуе. Характерно, что реакция элит на расширение пропасти между теми, кто правит, и теми, кем правят, оказалась довольно вялой. Политики произносили речи о дефиците демократии, но, казалось, их вполне устраивало положение вещей, обеспечивающее им номинальную конституционную легитимность или, как в случае избрания Джорджа У. Буша в 2000 году, — сомнительную юридическую легитимность.

В начале XXI века возникли новые, требующие немедленной реакции вызовы, — подъем Китая и возрождение России. Капитализм вышел за пределы Запада и с успехом

приспособился к решению новых задач. Он оказался весьма гибким средством достижения изобилия. Авторитарный капитализм превратился в серьезного соперника. Рынок был отделен от демократии. Более того, капитализм с готовностью восприняли те самые элиты, которые Запад считал поверженными. Глобализация, снятие ограничений на перемещение материальных ценностей и активов только усилило гордыню новых и старых капиталистов.

Террористические атаки 11 сентября 2001 года разрушили удобные конвенции о соотношении безопасности и свободы. Возрождающиеся автократии черпают силу из двух взаимосвязанных источников — из слабостей, присущих демократическим системам, и из действий западных правительств в войне против терроризма. Они пользуются несоответствием риторики администрации Буша, которой сопровождается “демократизация” по всему миру, бездарным действиям этой администрации. Здесь и манипуляция доказательствами, которая привела к иракской войне, и унижение узников “Абу-Грейб”, и систематическое применение пыток в секретных тюрьмах по всему свету, и незаконные рейсы “чрезвычайной выдачи”, и заключение сотен подозреваемых в терроризме в “экстерриториальной” тюрьме в Гуантанамо.

В этих условиях “морального вакуума” новые авторитарные правительства обеспечивают себе успех, заключая с населением пакт. Его условия различаются от страны к стране, но “рамочное соглашение” выглядит примерно

* Речь идет о практике ареста или захвата подозреваемых в терроризме с последующей их переправкой в ту или иную секретную тюрьму, находящуюся в третьей стране. Формально действие американского законодательства на такие тюрьмы не распространяется, что позволяет устанавливать в них жесткий режим содержания и использовать неприемлемые в США методы допроса. — *Прим. пер.*

одинаково. Репрессии избирательны и распространяются только на тех, кто открыто посягает на статус-кво. Людей, попадающих в эту категорию, в действительности немного: это журналисты, критикующие государство или публикующие информацию, которая выставляет сильных мира сего в невыгодном свете; адвокаты, защищающие этих подстрекателей; политики и прочие, которые выходят за рамки дозволенного и “создают проблемы”. Остальное население может наслаждаться свободой передвижения, жить более или менее в соответствии со своими желаниями, зарабатывать и тратить деньги. В этом заключается разница между гражданскими свободами и частными, “приватизированными”. Это предложение многим показалось привлекательным. В конце концов, много ли членов общества, ведущих обычную жизнь, хотят бросить вызов властным структурам? Если задуматься, мы довольно легко (легче, чем кажется) даем себя уговорить, что достаточно свободны.

В качестве модели описываемого явления можно рассматривать Сингапур — государство, в котором я родился и которое озадачивало меня. Я всегда удивлялся количеству граждан этой страны — много путешествующих, подолгу стажирующихся в западных университетах, — которые готовы защищать систему, требующую от них почти полностью отказаться от свободы выражения в обмен на очень высокий уровень жизни. Именно так выглядит Пакт, о котором шла речь выше. В каждой стране он другой, и граждане отказываются от различных свобод в зависимости от местных обычаев и приоритетов. Иногда это свобода прессы, иногда — право менять правительство в ходе выборов, где-то — независимость судопроизводства, еще где-то — возможность жить без слежки. Во многих случаях речь идет о тех или иных комбинациях перечисленного.

Ключевым фактором миропорядка последних двух десятилетий был союз политической элиты, бизнеса и среднего класса. Для таких обществ было значимым то, что число людей, получавших выгоду от указанных договоренностей, постепенно росло и что государство оставалось достаточно гибким, чтобы обеспечивать потребности этих людей. Потребности эти вкратце таковы: права собственности, свобода договора, защита окружающей среды, свобода выбирать образ жизни, свобода передвижения, право зарабатывать деньги и оставлять их себе. Люди, важные для этой системы договоренностей — богатые и богатеющие, — должны были быть защищены от государственного произвола. Однако можно ли обеспечить такую защиту без инструментария традиционной демократии, например без свободных выборов и свободных СМИ? С такой головоломкой столкнулись капиталисты в условиях авторитарных режимов.

Наиболее очевидными примерами оказались страны вроде Китая и России, критическая масса населения которых (возможно, и меньшинство, но значительное) верила в то, что избыток свобод может повредить экономическому росту, политической стабильности или социальной гармонии. Государство, если ему хватало ума, обеспечивало ограниченные, но заметные зоны свободы (скажем, искусство или газеты, выходящие небольшим тиражом), одновременно контролируя массовую аудиторию. Его основной задачей оказалось включение в систему заинтересованных групп, в основном бизнеса, национального и международного. Вспоминая опыт своего пребывания на посту губернатора Гонконга, Крис Паттен отмечает, что наиболее настойчиво его попытки привнести элементы демократии в колонию перед ее передачей Китаю

критиковали региональные руководители американских и британских компаний. “Зачем раскачивать лодку?” — спрашивали они.

Я помню голоса противников расширения демократии в России — они говорили почти то же. Я потерял счет западным банкирам, и не только банкирам, презрительно реагировавшим на демократические реформы 90-х годов. С какой стати, интересовались они, нужно рисковать потенциально прибыльными контрактами ради эксперимента, никак не соотносящегося с прошлым России?

Западный бизнес нашел общий язык с новым поколением партнеров в России и Китае, получивших западное образование. Многие утверждали, что авторитарный режим, будучи стабильным, обеспечивает условия для обогащения. Корпоративная элита поддерживала политическую элиту. Таким, в частности, был Пакт, заключенный Дэн Сяопином с пост-тяньаньмэньским поколением. Обсуждение политической реформы в 80-х годах сделало правящую Коммунистическую партию более доступной для критики и подотчетной, не “дестабилизировав” при этом политическую структуру, обеспечившую три десятилетия интенсивного экономического роста.

Пакт был заключен не только в государствах с переходной экономикой. Эта практика распространилась и в так называемых демократических странах. Мы все его заключили. И он все еще действует. Каждый из нас выбирает свободы, которыми готов поступиться. Граждане в обеих системах вступили в сговор, но на Западе — в наивысшей степени. Они имели возможность требовать большего от своих правительств, требовать изменения баланса свободы, безопасности и благополучия, но, пока дела шли хорошо, они предпочитали этого не делать.

Ситуация изменилась в 2008 году, когда завершился многолетний период устойчивого роста. Крах банков не только привел к экономическому кризису. Он поставил под вопрос будущее правительств, легитимность которых проистекала из способности обеспечить благосостояние своих народов. Хотя до разрыва Пакта было еще далеко, глобальный финансовый крах расширил его рамки. Западные страны, ранее отвергавшие идею государства как привилегированного субъекта экономики, были вынуждены к этой идее вернуться. В отсутствие безопасности, когда государство время от времени вмешивается там, где считает необходимым, возникли благоприятные условия для распространения контроля с экономики на другие аспекты повседневной жизни. Настойчивые требования обеспечить безопасность, зазвучавшие после террористических атак 2001 года, послужили предлогом для “чрезвычайщины”.

Эта книга — не о тираниях, в которых правят страх и насилие, в которых дети и родители доносят друг на друга, государство является однозначным злом, а об общественном согласии и говорить не приходится. Эта книга — не о Зимбабве, Северной Корее или Мьянме. В этих странах не существует Пакта между правительством и народом, а есть только инстинкт выживания. Я не рассматриваю подробно и страны с особыми условиями — Израиль, Венесуэлу при Чавесе, ЮАР после апартеида.

Вместо этого в ходе своего годичного путешествия я сосредоточился на странах, которые, независимо от политического режима, приняли условия глобализации. В итоге их приоритеты начали складываться в цельную картину. Я беседовал с интеллектуалами, журналистами, юристами, деятелями культуры, политиками и простыми людьми, с ко-

торыми случайно сталкивался. Я задавал им один и тот же вопрос, сформулированный в начале этого раздела: почему оказалось так легко поступиться свободой в обмен на безопасность и процветание?

Я начинаю свой рассказ с Сингапура, со знаменитого социально-экономического эксперимента Ли Гуанъяо (Ли Куан Ю). Сингапур нередко воспринимается как одномерный потребительский рай. Отчасти он, возможно, им и является, однако это вызывает фундаментальные вопросы о наших приоритетах. Только что получивший независимость от Великобритании Сингапур имел такой же показатель ВВП на душу населения, как Гана. За последние сорок лет он превратился в один из самых известных примеров экономического чуда, стал островом стабильности в неустойчивом регионе. Я наблюдаю за злобной практикой диффамации, преследования сингапурскими властями местных жителей и иностранцев даже за незначительную критику. Я оцениваю избирательную систему, где избирательные округа произвольно перекраиваются, а оппозиционеров регулярно сажают в тюрьму. Тем не менее достижения Сингапура поразительны. Ранее враждовавшие между собой этнические группы (китайцы, составляющие большинство, а также малайцы и индийцы) живут в относительном согласии. Благодаря замечательным программам в области социального жилья и других общественных услуг население живет в хороших условиях. Опорой государства является средний класс, который, за небольшими исключениями, неплохо чувствует себя в рамках Пакта, согласно которому

частная жизнь людей ничем не ограничена, если, разумеется, они не вмешиваются в жизнь общественную.

В Китае период владычества иностранцев, официально называемый “веком унижения”, сменился маоистской эрой единообразия и изоляции. Последние 30 лет отмечены заметным прогрессом, причем прогресс идет в рамках системы, интерпретирующей теорию демократии в соответствии с собственными нуждами. Коррупция, нарушения прав человека и деградация окружающей среды оказались спутниками однопартийной системы, способность которой удерживаться у власти зависит от экономического роста. Тем не менее во время своих поездок я обратил внимание на то, что условия Пакта не такие уж жесткие. Свобода слова, формально ограниченная в Китае (особенно это касается интернета), все же процветает, пусть и в частных беседах. Правительство пытается контролировать ее с помощью техники, передовых манипулятивных пиар-технологий и грубой силы. Однако представители среднего класса не заинтересованы в предоставлении права голоса сотням миллионов более бедных людей с другими политическими приоритетами. Отсутствие демократии, по крайней мере в данный момент, является частью сделки. Правительство знает, что залог его успеха — это обеспечение комфортной частной жизни.

Далее я перехожу к России, где регулярно бывал 30 лет. Я рассказываю о людях, с которыми познакомился еще в те времена, когда “достать” что-либо было важнее, чем “купить”, и когда выезжать за границу разрешалось только в составе официальных групп. Эти мои друзья с радостью приветствовали провал путча 1991 года и крушение авторитаризма. Они открыли для себя новые свободы и пользовались ими, покуда Борис Ельцин не консолидировал власть путем электоральных манипуляций с молчаливого одобрения Запада.

Демократия стала ассоциироваться с хаосом и коррупцией. Восхождение Владимира Путина в 2000 году совпало с реалиями времени: ужесточение мер безопасности сопровождалось ростом благосостояния благодаря мировым ценам на нефть и газ. По мере того как Россия богатела и приобретала уверенность в себе, мои друзья полюбили высказывание: для “новых русских” имеют значение только три вещи — клуб “Челси”, Куршавель и “Картье”. В то время как отважные журналисты и правозащитники продолжали задавать властям неудобные вопросы, подавляющее большинство россиян приняло условия Пакта. Эти завсегдатаи модных курортов продолжали бояться, что могут в любой момент лишиться богатства, и поэтому переводили свои деньги за рубеж. При этом они пользовались личными свободами, оставив силовикам — вставшим у руля государства выходцам из спецслужб — дела управления.

В следующей главе я рассматриваю наиболее любопытный символ Всемирного Пакта — Объединенные Арабские Эмираты, в частности бесстыдный аляповатый Дубай и более сдержанный Абу-Даби. Поговорка, популярная у финансистов во времена промышленного подъема, гласила: “Шанхай, Мумбаи, Дубай или *дубай*”. Всем, от молодых британских биржевых маклеров до российских “братков” и знаменитостей второго эшелона, шейхи предлагали надежные материальные блага в диапазоне от имущественных сделок до необлагаемых налогами зарплат, лишь бы гости не создавали проблем. В Дубае правительство было даже более гостеприимным. Оно не настаивало на соблюдении иностранцами религиозных запретов и позволяло им жить так, как те привыкли, преследуя за сексуальные скандалы и пьяные выходки только в крайних случаях. Повсюду монументами вульгарному шику вырастали отели и жилые кварталы, один

роскошнее другого. Шейхи полагали, что их модель устойчива к западному экономическому кризису. Однако основным его удар пришелся, в частности, на Дубай. Что станет с Пактом, построенным исключительно на деньгах?

Вторая часть книги посвящена странам, которые декларируют свою приверженность демократии. Я начинаю с Индии, которая гордится тем, что является самой населенной страной с многопартийной системой. Когда китайская экономика устремилась вперед, некоторые группы индийской корпоративной элиты задумались, не является ли имеющаяся форма правления препятствием для процветания. Индийские богачи предложили собственный вариант Пакта: они обеспечат себе основные услуги, которые государство не может предоставить, а взамен потребуют не мешать зарабатывать и удерживать бедняков подальше от их дверей. На это соглашение в меньшей степени повлиял глобальный экономический кризис и в большей — теракты в Мумбаи в ноябре 2008 года. Впервые состоятельные классы были в массе своей встревожены насилием, которым Индия в целом поражена уже давно. Богачи потребовали у государства защиты.

Почему из всех стран мира я выбрал Италию? Дело, конечно, не в ее геополитическом значении, а в том, что она является примером фиктивной демократии. В отношении институтов Италия провалилась по всем пунктам. Изучение состояния парламента, СМИ и судебной системы показывает, что их независимость и авторитет разрушены. Коррупция процветает. И тем не менее избиратели трижды проголосовали за Сильвио Берлускони, известного своими финансовыми нарушениями, симпатией к авторитарическим лидерам вроде Путина и вульгарностью. Он переиграл оппонентов с непревзойденной легкостью. Он добивается расширения

своих полномочий. Легко отправить в отставку фигура Берлускони. Но то, что он до сих пор популярен у множества итальянцев, демонстрирует, как далеко отодвинута граница, до которой фиктивные демократии могут разрастаться и даже попадать в зависимость от таких же проявлений политического произвола, за которые критикуют авторитарные государства.

В 1997 году приход к власти в Великобритании левоцентристского правительства, гордившегося своей приверженностью защите свобод, казался вдохновляющим. Тем не менее за десять лет Великобритания довольно далеко продвинулась по пути ликвидации этих свобод. Сейчас страна находится на пятом месте в мире по числу камер слежения. В Великобритании действует несколько наиболее жестких законов о клевете, а недавно под предлогом борьбы с терроризмом был принят закон, позволяющий арестовать любого, кто фотографирует полицейских или солдат. Правительство, которое добивается одного из самых длинных сроков предварительного заключения для подозреваемых в терроризме, гордится своими авторитарными достижениями, утверждая, что общество в целом их хорошо принимает. Во многих случаях это так и есть, особенно если не присматриваться. Передо мной правительство, которое спутало благую роль государства в формировании более устойчивого и справедливого общества с пагубной ролью государства, добивающегося подавления общественных свобод. Я очень хочу понять, как получилось, что британское общество проявило готовность к уступкам по части этих свобод, — пока не станет слишком поздно.

Моя последняя цель — Соединенные Штаты, где Пакт принял наиболее осязаемую форму. В главе описывается,

как события 11 сентября, иракская война и злоупотребления в ходе “войны с терроризмом” повлияли на американское общество и мир. Неоконсервативная миссия Буша была основана на смеси гордыни и разочарования. Элиминация Саддама Хусейна должна была стать катализатором свержения диктаторов на Ближнем и Среднем Востоке и за их пределами. Этого не произошло — не только из-за двойных стандартов, но и ввиду серьезной неразберихи с “содействием распространению демократии”. Было ли установление демократии самоцелью? Или же демократия была средством достижения некоей цели? Следует ли [Западу] настаивать на проведении многопартийных выборов в странах, в которых они могут породить режимы, враждебные Западу и либеральной демократии, либо привести к межэтнической вражде или политической нестабильности? Внутри страны Буш был за ужесточение мер безопасности, которое редко оспаривалось политическим мейнстримом или обществом. Американские СМИ задрали лапки, продемонстрировав свою неспособность предоставлять обществу информацию по множеству важных тем.

В какой степени приход Барака Обамы может обратить вспять процесс разрушения демократии в стране и потерю Америкой доверия по части приверженности демократии за рубежом? Конечно, обстоятельства его победы на выборах во многом обеспечили американской конституционной демократии необходимое упрочение легитимности. Однако надежды на перезагрузку оказались несостоятельными из-за сокрушительного спада в США и на мировых финансовых рынках. Жестокая ирония заключалась в том, что новая администрация, на которую многие в мире возлагали надежды, присту-

пила к работе именно тогда, когда американская мощь была подорвана.

Освальд Шпенглер предсказал, что “эра индивидуализма, либерализма и демократии, гуманности и свободы приближается к концу”. “Закат Европы” был написан примерно 90 лет тому назад, под впечатлением от потрясения, вызванного Первой мировой войной, от унижений Версальского договора и начала Великой депрессии. “Массы, — писал Шпенглер, — с покорностью примут победу Цезарей, сильных людей, и будут повиноваться им”. Сейчас, когда мировые рынки снова падают, а старые каноны разрушены, тревожит ли нас вновь призрак шпенглеровского пророчества? На этот раз проблема труднее различима и более сложна: мир не разделен между ожесточенно соперничающими системами. Двадцать лет в рамках “Вашингтонского консенсуса” проповедовалось соединение поддерживающих друг друга кредо: свободного рынка и либеральной демократии. Подъем авторитарного капитализма разрушил эту связь. Затем, в середине 2007 года, оказалось, что крах англосаксонской неолиберальной экономической школы стал причиной кризиса не только экономики, но и политической системы Запада.

События последнего десятилетия, несомненно, опровергли утверждение о том, что обогащение страны или рост среднего класса дает импульс расширению свободы. Предположения Мура^{*} о том, что “нет буржуазии, нет и демокра-

* Мур, Баррингтон (1913-2005) — американский социолог и политолог, автор знаменитого труда “Социальное происхождение диктатуры и демократии” (1966). — *Прим. пер.*

тии”, безусловно, были опровергнуты последними 20 годами погони за материальным благополучием. За эти годы люди во всех странах нашли способ комфортно жить, перестав одновременно быть участниками политического процесса. Консюмеризм оказался прекрасной мозговой “заморозкой”. Но что происходит, когда богатство тает, а “заморозка” перестает действовать?

Совершенные мною открытия неприятны. Однако всегда полезнее понимать, чем осуждать. Инстинкт политика состоял и состоит в том, чтобы добиться власти и удержать ее, честными или бесчестными средствами. Менее понятно, почему так многие в авторитарных и демократических странах сдаются и почему лишь немногие задаются вопросом о причинах этого. При каком бы режиме мы ни жили, наши приоритеты схожи в большей степени, чем мы готовы признать.

Глава 1

Сингапур: удобная модель

Свободу делает возможной понимание того,
где лежат ее границы.

ЧУА БЭНХУА

— Просто Сингапур — это самое успешное в истории человечества общество.

Я чешу в затылке и делаю большой глоток холодной воды. Я сижу в кабинете профессора Кишора Мабубани, одного из самых известных публичных интеллектуалов Сингапура. Он путешествует по миру, объясняя сомневающимся, что страны могут быть гармоничными и преуспевающими и без западной либеральной демократии. Мабубани, декан Школы публичной политики им. Ли Гуанъяо при Национальном университете — как раз тот человек, которого имеет смысл посетить в целях замера политической температуры. Он принимает посетителей со всего мира. Передо мной прошла китайская делегация. После меня придет посол Швейцарии. Все они хотят раскрыть секрет успеха островного государства, являющего собою

одновременно экономическое чудо и испытательный полигон социальных реформ.

Я поражаюсь самоуверенности хозяина кабинета, однако опасаясь попасть в ловушку “западной ментальности” (этот термин используется для “нейтрализации” критиков-иностранцев). Для меня это больше, чем праздное любопытство. Я родился в Сингапуре. И хотя я уехал отсюда молодым, мои родители прожили в этом городе-государстве пятнадцать лет. Каждый раз, приезжая сюда, я покупаю новую карту: сносятся целые улицы, уступая место еще более высоким монументам деньгам и очередной версии прогресса. Тоска по прошлому — один из немногих видов роскоши, которую здешние жители не могут себе позволить. Я поддерживаю связь с сыновьями и дочерьми некоторых друзей моих родителей. Некоторые из них индийцы, другие — малайцы, большинство — китайцы. Это состоявшиеся врачи, адвокаты, финансисты, музыканты. Они уехали учиться в Великобританию, США, Австралию, и большинство их вернулось сюда. Они относятся к сверкающему сингапурскому аэропорту Чанги как к автобусной остановке и, не особенно задумываясь, “вскакивают на подножку” отправляющихся рейсов или “соскакивают с подножки” прибывающих. В повседневной жизни они могут делать что захотят. Они пользуются личной свободой, но свободу слова и политическую активность оставляют для зарубежных поездок. Помню, как студентом ходил в Лондоне на демонстрацию с несколькими друзьями. Дома они закрывали рот на замок. Они говорили, что можно либо свалить, либо принять все как есть. У них был выбор.

Термин “Пакт”, собственно, и был предложен для Сингапура. Это государство обеспечивает один из самых высоких в мире ВВП на душу населения, сопоставимый с показа-

телями наиболее развитых стран Запада. Граждане, в свою очередь, стараются не доставлять ему неприятностей. Город-государство превратился в памятник обогащению. Он одновременно соблазняет и тревожит. Все замечательно работает. Богатые исключительно богаты. Бедные исключительно благополучны. Сингапурский эксперимент проводился Ли Гуанъяо, бессменным на протяжении 30 лет премьер-министром, который до сих пор формально остается высшим руководителем государства. Несмотря на то, что Ли был центральной фигурой, сингапурский Пакт обязан своим существованием не одному человеку. Для этого потребовалось добровольное содействие большинства — и оно было оказано.

Когда видишь очертания Сингапура, сверкающие офисные здания, изумительные больницы и эффективные программы строительства социального жилья, легко забыть о том, что все могло сложиться совсем иначе. Когда Стэмфорд Раффлз, британский коммерсант, искавший место для нового опорного пункта Ост-Индской компании на маршруте торговли пряностями, в 1819 году основал Сингапур, здесь был захолустный болотистый остров, населенный немногочисленными рыбаками. По мере того как свободный порт Сингапур развивался, туда начали перебираться со всего региона купцы, привозившие с собой кули. За первые пять лет в Сингапур приехало около 10 тысяч человек, и он стал “плавильным котлом” для китайцев, малайцев, индийцев, армян, европейцев и вообще всех, кто хотел делать деньги. Британское правление завершилось в 1942 году, когда остров оккупировали японцы. В следующие три года около 50 тысяч китайцев было убито в ходе операций под лозунгом “очищение через чистку”.

Опыт японской оккупации, во время которой молодой Ли работал служащим, сильно повлиял на него, как и на других представителей его поколения. После войны он поехал в Кембридж изучать право. Здесь он получил лицензию на занятия юридической практикой. Во время пребывания в Англии Ли серьезно увлекся антиколониальной политикой и фабианским социализмом* Лейбористской партии. Он изучал фабианские теории об организующей и обслуживающей роли государства. Он поверил в “обобществление” земли. После своего возвращения в 1949 году в Сингапур Ли принял участие в деятельности нарождающихся движений за независимость, охвативших Юго-Восточную Азию. В Малайе** антиколониальная борьба приняла форму вооруженного сопротивления. Британцы объявили чрезвычайное положение и следующие 12 лет были вынуждены вести войну в джунглях. Ли, хоть и считал себя левым, полагал, что большего можно добиться переговорами. В 1954 году он основал Партию народного действия (ПНД), платформа которой сочетала в себе элементы демократического социализма и национализма.

Тремя годами позднее Сингапур добился от Великобритании полного самоуправления, и в 1959 году Ли стал первым премьер-министром страны. В 1963 году Сингапур присоединился к Малайской Федерации, чтобы обеспечить себе безопасность и справиться с экономическими трудностями. Однако этот союз практически сразу же оказался

* Левое философско-экономическое течение, появившееся в Великобритании в конце XIX века. Фабианцы пропагандировали переход к социалистическому способу производства, но категорически отвергали революцию, полагая, что переход этот должен совершиться эволюционным путем, в результате постепенных институциональных реформ. — *Прим. пер.*

** Имеется в виду Британская Малайя, в состав которой в то время входил на правах штата Сингапур. — *Прим. пер.*

под угрозой из-за идеологических разногласий и этнической напряженности. Год спустя 23 человека были убиты, сотни ранены во время беспорядков на почве межрасовой ненависти. Ли поспешно вывел свой крошечный город-государство из состава федерации и пошел собственным путем. Задача перед ним стояла не из легких. Обладающий минимумом ресурсов, находящийся в центре нестабильного региона Сингапур столкнулся с острой безработицей, дефицитом жилья, с потенциальной угрозой межобщинных столкновений даже более существенных, чем в предыдущий период. Один журнал в это время описывал город как “убогую деградирующую клоаку”. Большинство сингапурцев жило в кампонгах (по-малайски — деревня), в деревянных хижинах. Страна не имела никаких преимуществ, кроме географического расположения порта и предприимчивости населения.

Ли добивался образования новой нации как географической и культурной общности. В то время как его соседи по Юго-Восточной Азии бросались из одной крайности в другую, то устанавливая диктатуру, то заигрывая с демократией (и не добиваясь успеха ни там, ни здесь), Ли создавал нечто среднее. Он считал ключом к успеху восстановление страны за государственный счет и предлагал законопроекты, согласно которым большие участки земли реквизировались под социальное жилье и другие инфраструктурные проекты — дороги, школы, больницы. В момент получения независимости более половины работающих не имело образования. К 1990 году две трети имели законченное среднее образование. В 1965–1995 годах экономика ежегодно росла на заметные 9 %, то есть в три раза быстрее, чем экономика США. Доход на душу населения рос в среднем на 7 % в год, удваиваясь примерно каждые десять лет. Валовой

национальный доход вырос с 1 миллиарда до 86 миллиардов долларов. Открытие новых школ и колледжей быстро принесло удивительные плоды. Система здравоохранения стала предметом зависти азиатских соседей. Ли нравилось называть свою маленькую страну “оазисом ‘первого мира’ в регионе ‘третьего мира’”.

В течение полувека Ли вручную управлял государством, вникая во все мельчайшие детали. Он лично проверял пригодность претендентов на брак с правительственными служащими (обычно на основе коэффициента интеллекта) и определял, сколько детей у них должно быть. С помощью пропагандистских кампаний он призывал граждан вести себя в соответствии с введенными им ограничениями. Были подготовлены инструкции по всем вопросам, от гигиены до этикета. В 70-х годах кампания “Остановитесь на двоих”, нацеленная на снижение рождаемости, оказалась настолько успешной, что вслед за ней пришлось начать кампанию “Заводите трех и больше, если можете себе позволить”.

Мне довелось пожить во многих диктаторских странах или посещать их. Я заглядывал под стол (нет ли там подслушивающего устройства?) и предполагал, что вон тот мужчина в зеркальных темных очках на углу улицы следит за мной. В Сингапуре надзор менее очевиден, но это система, в которой люди редко задумываются о необходимости что-нибудь изменить. Легко понять почему: три четверти работающих не платят подоходный налог. Вообще никто не платит налог выше 20 %. Иностранные компании продолжают приходить на местный рынок, из-за чего спрос на недвижимость так высок, что многие люди соглашаются на снос своих домов, чтобы получить квартиры в более высоком здании, что построят на месте старого, и получить прибыль. От старого Сингапура почти ничего не осталось.